

Проводив взглядом уходящего Мо Хуаньсу, Чжоу Чжоу быстро стер с лица улыбку, а в глазах затаилась тревога.

Он не ожидал, что Мо Хуаньсу питает к Юнь Цинмо столь сильную неприязнь. Стоило ему вчера снять запрет с пика Сяочжу, как тот сегодня же примчался, чтобы с порога продемонстрировать свою власть, не оставив ни капли приличия. Если бы в этом теле по-прежнему находился прежний Юнь Цинмо, он бы наверняка уже поддался на провокацию и полез в драку. А случись такое, у Мо Хуаньсу нашлось бы предостаточно причин, чтобы жестоко проучить его, и, учитывая состояние Юнь Цинмо после травм, последствия были бы плачевными.

Чжоу Чжоу скривился и зло пробормотал:

— Старый лис.

— Учитель, что случилось?

— Ничего, — Чжоу Чжоу сжал зубы, но, вспомнив, что разговаривает со своим учеником, смягчил тон и похвалил: — Юнь-эр, ты молодец. Впредь, если встретишь этого старика, старайся держаться от него как можно дальше, понял?

Цзи Юнью сощурился, его миловидное личико просияло, и он послушно кивнул:

— Понял, Юнь-эр знает, он ведь старый лис.

При этом в мыслях он уже поставил Мо Хуаньсу галочку: одна провокация в адрес учителя, одна раненая зверушка — расплата будет по одной руке и одной ноге. В этот момент Мо Хуаньсу, чьи конечности уже были мысленно приговорены, внезапно чихнул и с недоумением подумал, что не чихал уже несколько сотен лет.

Танлан, которого учитель и ученик благополучно забыли, наконец не выдержал:

— Ублюдки, на меня кто-нибудь обратит внимание? — он был возмущен тем, что его, больного, так беспардонно игнорируют.

Чжоу Чжоу только сейчас заметил, что Танлан все еще лежит на земле в позе морской звезды, и удивленно воскликнул:

— Ой, ты чего до сих пор лежишь?

— ... — Как он мог так лежать? Лежать на земле, на самой земле, черт возьми, неужели он сам этого хотел?

Танлан уткнулся лицом в пол, мечтая провалиться сквозь землю. Небеса, какого же хозяина он себе выбрал!

Чжоу Чжоу искренне полагал, что легендарный божественный зверь не может погибнуть от рук мелкого босса из ничтожного подземелья, поэтому, даже видя, что Танлан тяжело ранен, считал это лишь царапинами. Однако, глядя на его скорбный вид, он засомневался. Хотя он не знал, в чем именно дело, но, похоже, совершил что-то ужасное. Чжоу Чжоу наклонился, намереваясь перенести Танлана на кровать.

Но не успел он протянуть руки, как пара маленьких ладошек опередила его.

— Учитель, позвольте мне, — сказал Цзи Юньлю, подхватывая зверя.

Танлан издал жалобный вопль, который тут же оборвался, будто нажали на паузу.

Чжоу Чжоу поспешно взглянул на него и увидел, что Танлан смотрит на него с мольбой в глазах. Вселенская скорбь исчезла, а на пушистой морде читалось лишь одно: спаси меня из этого огня! Цзи Юньлю же смотрел на учителя с ясным, полным ожидания взглядом, явно настаивая на том, чтобы самому ухаживать за зверем.

Выбирая между желанием маленького волчонка и желанием маленького редиски, Чжоу Чжоу предпочел проигнорировать первого и лишь наставил:

— Юнь-эр, будь осторожнее.

Поняв скрытый смысл этих слов, Танлан снова впал в отчаяние.

Он не понимал почему, но, несмотря на то, что перед ним был пяти-шестилетний ребенок, инстинкты кричали об опасности. Стоило малышу приблизиться, как зверя охватывал трепет. Если бы интуиция божественного зверя не была безошибочной, он бы решил, что сходит с ума.

Десять шагов показались вечностью. Танлан думал, что на кровати его ждут покой и свобода, но как же он ошибался! Он недооценил упорство Цзи Юньлю в желании лично заботиться о нем. Малыш сам взялся обрабатывать раны, твердо решив не подпускать Чжоу Чжоу даже на пушечный выстрел.

Жизнь похожа на изнасилование: если не можешь сопротивляться, расслабься и получай удовольствие. Танлан не знал этой земной мудрости, но суть уловил. От первоначального ужаса он перешел к смирению, а затем и вовсе, смирившись, перевернулся на спину, подставляя пушистый белый живот под прохладные руки ребенка.

Танлан почувствовал, что что-то в нем безвозвратно утрачено. Впрочем, родился он на Земле, он бы знал, что это называется отсутствием стыда.

После того как раны были обработаны и Чжоу Чжоу убедился, что угрозы жизни нет, он наконец выдохнул. Ему было стыдно перед Танланом: он видел, как того покалечил Мо Хуаньсу, но из-за слабости собственной культивации не смог заступиться. Стать сильнее — эта

мысль еще никогда не была такой острой.

Цзи Юньлю почувствовал, как от учителя внезапно повеяло решимостью, и с удивлением поднял голову, встретившись с его твердым взглядом.

— Юнь-эр, давай продолжим тренировки, — серьезно сказал Чжоу Чжоу.

Цзи Юньлю кивнул. Что еще оставалось делать? Раз учитель так старается, значит, будем тренироваться.

Чжоу Чжоу уже давно отвык быть отличником, но в прошлой жизни, будучи мастером экзаменов, он знал: если чему-то можно научиться, это не проблема. Под присмотром Цзи Юньлю он тренировался день и ночь. Процесс был мучительным, но плоды — богатыми. Он освоил множество заклинаний: очищение, фиксацию, притяжение предметов — все это теперь давалось ему легко. Боевые искусства он изучал лишь поверхностно, но и этого хватало, чтобы прийти в восторг.

Конечно, всему этому его учил Цзи Юньлю. Каждый раз, когда Чжоу Чжоу удивлялся глубине знаний ребенка, тот отмахивался словами: Юнь-эр просто любит читать.

Хотя Чжоу Чжоу и понимал, что такие познания не под силу обычному пятилетнему ребенку, он даже в десяти жизнях не догадался бы, что перед ним перерожденный. Идея о том, что малыш — это просто малыш, укоренилась в его сознании. Будучи ленивым по натуре, Чжоу Чжоу не любил утруждать себя размышлениями: раз он что-то решил, то не будет перепроверять. Поэтому, видя необычность Цзи Юньлю, он лишь тешил себя мыслью, что его ученик — гениальный ребенок с феноменальной памятью.

Более десяти дней тренировок позволили Чжоу Чжоу наполовину успокоиться. Вторая же половина тревоги оставалась при нем: как бы он ни старался, он не мог освоить простейший полет. Каждый раз он тяжело вздыхал — ну что за подстава, боязнь высоты — это не шутки.

Он жил на вершине пика Сяочжу и, чтобы не привлекать внимания, отослал слуг к подножию, запретив приближаться без разрешения. Поэтому никто не видел, какой шум он поднимал своими тренировками.

Чжоу Чжоу прошептал заклинание, и его ноги медленно оторвались от земли. Десять сантиметров, двадцать, тридцать...

— Ой! — раздался громкий крик, за которым последовал тяжелый глухой звук падения.

Танлан, лениво развалившийся на кресле, лишь дернул ухом и приоткрыл один глаз, даже не удосужившись посмотреть в сторону учителя. Он уже привык к этим воплям. Если бы не целебная аура рядом с Чжоу Чжоу, он бы ни за что не позволил этому шуму терзать свои уши.

Чжоу Чжоу обнаружил, что как только он поднимается выше тридцати сантиметров, то неизбежно падает. За столько попыток он так и не научился летать, зато научился правильно падать, чтобы не было так больно. Поэтому на самом деле он почти не ушибся, но кричал громче прежнего. Он понял, что чем жалобнее он воет, тем меньше нагрузку дает ему этот маленький демон-тренер. С тех пор как Чжоу Чжоу заговорил о тренировках, Цзи Юньлю превратился в настоящего мучителя, и даже его опыт отличника не помогал с этим справиться. Попытки проявить учительский авторитет всегда разбивались о большие, полные слез глаза ребенка, после чего тот тут же принимал невозмутимое выражение лица.

Чжоу Чжоу мысленно взвыл: Ученик, не бросай лечение, это каменное лицо тебе совсем не идет! Милая мордашка с улыбкой — вот твой истинный облик!

Но на любую политику найдется противодействие. Чжоу Чжоу выработал тактику: метод горьких слез работал безотказно. Чем громче он кричал, тем легче проходила следующая тренировка.

Цзи Юньлю с усмешкой подошел к нему и, подхватив за руку, помог встать. Будучи в прошлой жизни главой секты, он видел Чжоу Чжоу насквозь. Конечно, дать учителю отдохнуть было несложно, но ему было так забавно наблюдать за тем, как тот ломает голову, пытаясь выторговать передышку, что он был не прочь увеличить нагрузку.

Чжоу Чжоу и не подозревал, что сам же и стал причиной своей тяжелой доли.

<http://bllate.org/book/22479/2368323>